Фарнезе не пыталась завоевать обожание своих войск. Фарнезе желала, чтобы каждый отдельный солдат боялся ее. Вместо смелости, чтобы бросаться на врага, Фарнезе высоко ценила ужас, который ощущали солдаты, ослушавшись верховного главнокомандующего. Безусловно, это было не так, как действовал я. Не зная метода получения страха, Фарнезе пришла и спросила меня:

– Что эта молодая леди должна делать, чтобы заставить солдат бояться ее, господин?

– Что ж. У тебя довольно симпатичная внешность, так что это может быть трудно.

– Они бы боялись, будь на лице этой молодой леди некрасивый шрам?

– Черт побери, какое невежественное дитя. Как ты можешь думать так плоско? Думай чуть более приемлемо.

– Только Ваша Светлость и мисс Лазурит могут называть эту молодую леди невежественной…

Фарнезе стала угрюмая. В последнее время Фарнезе воспитывалась и мной, и Лазурит. По сравнению со мной Лазурит обучала ее намного жестче. Было очевидно, что эта маленькая комнатная девушка, которая прожила всю жизнь, веря, что она гений, будет подавлена, если к ней часто относиться плохо. Ощущая некую симпатию, я заговорил издалека.

– Стоит ли мне рассказать тебе о хорошем трюке?

На следующий день.

Фарнезе купила 15 охотничьих собак. Талии охотничьих собак были тонкие, потому они казались тщедушными, но цвет шерсти у них был чудесный. Эту породу, обычно разводили имперские семьи, так что они были необыкновенно дорогими. Собаки не оставляли свою хозяйку ни на секунду.

— Я вижу, мисс Генерал обожает собак.

— Разводить охотничьих собак – хорошее хобби. Они могут унюхать врага и преследовать его, так что нам это тоже будет на руку.

Солдаты собирались небольшими группами и жевали сушеное мясо. И хотя они бросали в рот какие-то куски мяса просто так, охотничьи собаки даже не смотрели на них.

Фарнезе лично покупала еду и сама кормила собак. Собачья еда выглядела более дорогой, чем пища, которую ели люди. Некоторые рядовые шутили, что мисс Генерал кормила шавок лучше, чем их, и хмыкали. Увидев, как Фарнезе дает превосходную еду зверям, некоторые заявляли,

что они рады, что она наконец показала себя как молодая девушка, в то время как другие были обеспокоены, что эгоистичный интерес командующего нарушит военный порядок. Наполовину с радостью и наполовину с беспокойством солдаты долго смотрели с завистью на дорогую собачью еду.

Наступило время отправиться моей армии на войну. У войск, которые спали в тепле и ели, пока их животы не были полны, были ясные глаза несмотря на зимнюю пору. 3.500 дварфов-пехотинцев, 500 кентавров кавалерии и 50 ведьм, завербованных в городе, стояли на зимнем поле в ожидании речи генерала перед отправкой. Вокруг по краям поля собрались люди, но это были лишь разносчики, да проститутки. Такого рода люди жили всегда в движении, постоянно следуя за армиями, куда бы те ни шли.

– …

Держа парадный меч, Фарнезе поднялась на платформу. Украшений не было, так что лезвие было маленькое. Поскольку оружие выглядело незначительным, оно хорошо подходило к фигуре мисс. Охотничьи собаки прошли за своей хозяйкой на саму платформу. Они тихо разместились вокруг нее.

Фарнезе обнажила свой клинок. Слыша звук металла, охотничьи собаки посмотрели позади себя. Мелькнув, как голубая молния, меч перерезал длинную шею собаки. Полилась кровь. Другие собаки никак не отреагировали на это. Фарнезе убила все 15 охотничьих собак, и до самого конца ни одна не зарычала. Кровь беззвучно стекала с платформы.

— …

Все солдаты затаили дыхание. Они не смели встретиться взглядом с командующим.

Люди будут бояться генерала, которая беспощадно зарезала охотничьих собак, которых растила с такой заботой, они будут бояться молчаливого генерала, чье лицо было бесстрастно в течение всей резни, и они также будут бояться того, что такой генерал – всего лишь 16-летняя девушка. Особенно они буду ужасаться намерений генерала, которая приложила особые усилия, чтобы перерезать своих питомцев, к которым она относилась с заботой, в день отправки армии. Смотра на отсеченные головы собак, которые вертелись вокруг, командиры потирали свои шеи.

Лора де Фарнезе промолвила:

– Вперед.

Войска послушались.

♦

Из мертвых охотничьих собак Фарнезе сделала сушеное мясо. Отсюда до места, где другие Владыки Демонов планировали собрать свои армии, была неделя ходу. На протяжении недели Фарнезе жевала вяленое мясо из собачатины и разгоняла солдат своим взглядом.

В один из этих дней нам пришлось стать лагерем у парома, чтобы отдохнуть, потому что река замерзла не полностью. Рядом с паромным сообщением располагалась маленькая деревня. Я отдал приказ, запрещающий войскам мародерствовать.

Около полудня поймали трех солдат. Они тайком полезли на частную территорию, чтобы грабить и насиловать женщин и детей. Я слушал отчет, наслаждаясь чаем в задней комнате с Фарнезе и Лазурит по обеим сторонам от меня. Чай согревал меня изнутри. Опуская чашку, я посмотрел на Фарнезе.

– Раз ты генерал, тебе и решать касательно наказания.

– Я хочу их казнить.

– Казнь, да?

Кинув взгляд на Лазурит, я повернулся к Фарнезе.

– Разве казнь – это не слишком?

– Они ослушались военного приказа. Кроме того, они первые нарушители дисциплины. Эта казнь покажет, как с этого момента будет приводиться в исполнение заслуженное наказание. Эта молодая леди хочет сурово разобраться с этим.

Лазурит вмешалась в разговор и тихо спросила.

– Какой способ казни ты проведешь?

– Чтобы установить в пределах армии строгую дисциплину, их головы должны быть отрублены и выставлены на показ. Эта молодая леди обезглавит их.

Лазурит спросила вновь:

– Как?

– …

– Я спросила, как ты планируешь сделать это, мисс.

– Что ты имеешь в виду под «как»? Разве это не конец, когда их головы будут выставлены на показ?

– Как жалко.

Плечи Фарнезе передернулись от укоряющих слов Лазурит. С того дня, как Лазурит торжественно пообещала, что станет ее матерью, она приводила Фарнезе в замешательство. Лазурит намеренно веля себя жестоко, как делал биологический отец Фарнезе, который третировал ее в детстве. Фарнезе было трудно иметь дело с Лазурит, которая так себя вела.

– Люди – как сорняки. Они будут подниматься обратно много раз, когда их растаптывают. Среди этих сорняков? нанятые солдаты наиболее крепкие. Солдаты не склонятся только потому, что отрубили головы трем насильникам. Однако, это если ты, конечно, не заронишь в них страх заранее.

– Тогда что эта молодая леди…

– Подумай об этом сама. Разве у мисс на плечах не голова, а жестяное ведро? Почему ты не можешь подумать сама, а приходишь ко мне за помощью?

– …

– Если ты действительно генерал, тогда нет нужды доверять мне или Его Высочеству. Прежде ты полагалась на Его Высочество, чтобы приобрести страх солдат, а теперь ты пытаешься достичь ужаса солдат, доверяя мне. Однажды тебе придется отдавать долг, который ты взяла у Его Высочества и у меня, и цена этому будет не менее, чем твоя некомпетентность. Если бы кто-то посчитал то количество раз, когда ты принимала руку помощи от других тут и там, то размеры компетентности, которой тебе не хватает, конечно, были бы огромны. Мисс, я не желаю, чтобы злосчастье этого долга, который ты накопила в силу отсутствия у тебя умений, пришлось отдавать Его Высочеству вместо тебя.

Фарнезе замолчала.

Я не влазил межу ними двумя. Если бы я сейчас вмешался, тогда Лазурит было бы стыдно, а Фарнезе чувствовала бы себя униженной. Чтобы позволить двум моим вассалам беседовать между собой и по-своему устанавливать дистанцию, я молчал.

После длительных размышлений Фарнезе тихо промолвила:

– Эта молодая леди лично возьмет меч и посечет преступников на…

<Звук пощечины>

Фарнезе опустила голову.

Щека, по которой отвесили пощечину, покраснела.

Лазурит промолвила:

– Отвечай снова.

– … Я не знаю. Мисс Лазурит. У этой молодой леди нет ни малейшей идеи.

Лазурит ударила по другой щеке собеседницы с большей силой, чем раньше. Фарнезе съёжилась. Она стала такой ничтожной, как смятый моток алюминия.

– Ты не знала с самого начала. Несмотря на это, ты ответила в надежде, что это по случайному совпадению будет ответом. Если бы ты призналась с самого начала, что не знаешь, тогда тебя бы не ударили, если бы ты продолжала пытаться выяснить ответ до самого конца, тогда шанс того, что тебя ударят, в это время так же бы отсутствовал. Твоя нечестность показывает твою ничтожную гордость успехами, а отсутствие усилий показывает твою некомпетентность. Как здесь может сидеть человек, который ничтожен и некомпетентен? Немедленно убирайся.

Фарнезе выгнали прочь из комнаты.

В комнате, где остался лишь я с Лазурит, стало тихо.

– …

– …

Мы налили друг другу чай. Мы наблюдали за молочно-белым паром, который поднимался с наших чайных чашек.

Даже если бы сверху налили еще чай, он остался бы прозрачный и не помутнел. Чай с легким оттенком цвета был более прозрачным, чем обычная абсолютно бесцветная вода. Прозрачность

была очевидна в чем-то бесцветном, но чтобы что-то имело и цвет и было достаточно прозрачным, чтобы можно было видеть дно, это было ясно и божественно. Мы хотели обучить Фарнезе подобно этому чай. Мы с Лазурит не считали воспитанием превращение Фарнезе в обычную воду или оставление ее такой, как есть. Мы считали процесс сбора, измельчения, заваривания чайных листьев, а потом, наконец, наливания заваренного напитка в чайную чашку – вот воспитание. Если бы я наградил нашу дочь цветом, а Лазурит ее заварила, тогда Фарнезе естественным образом обладала бы ароматом и сама источала его. Это была искусственность, которая обрабатывала природу, и это была искусственность, которая также раскрывала природу. Мы не имели дело с теми, кто кастрировал и отбросил свою жажду власти во взрослом возрасте, и мы не уважали ребенка, который не знал, как обращаться со своей властью. Мы – холодные люди.

http://tl.rulate.ru/book/378/36864